

ституты в условиях формирования инновационного общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1 / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2019. С. 139–143.

4. Сукало В.О. По закону и справедливости. Разговор у Президента // Беларусь сегодня. 2019. № 38. С. 1–4.

5. Козаченко И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности. Екатеринбург : Изд. дом УрГЮУ, 2017. 15 с.

6. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юрист, 2006. 478 с.

7. Графский В.Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 19–24.

8. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 5–18.

УДК 343.241

А.В. Шидловский, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по учебно-воспитательной работе юридического факультета Белорусского государственного университета

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РАНЖИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ

Уголовное право главным образом отражает основные ценности в существующем обществе и политические интересы государства. Уголовно-правовые средства используются в любом государстве как инструмент принуждения посредством угрозы применения наказания за наиболее опасные виды поведения.

В основе ранжирования видов наказания за нарушения охраняемых государством благ отражается признаваемая тем или иным обществом иерархия ценностей, выстраиваемая по степени их приоритета и значимости.

В современном учении о наказании, в том числе о пенитенциарном праве, одно из центральных мест необходимо отвести разработке аксиологической и антропологической методологиям с учетом влияния конструктивистского и иных новых мировоззренческих подходов. Сегодня не вызывает сомнений, что важнейшими критериями дифференциации уголовной наказуемости за преступные посягательства выступают духовные ценности.

Следует признать наличие в настоящее время определенного кризиса в доминирующем в отечественной юридической науке до сих пор одностороннем материалистическом мировоззрении. Взгляд на систематику морально-нравственных ценностей, отличных от светского общества, несомненно, позволит обогатить методологические ориентиры развития отечественного уголовного права.

Ряд направлений преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции в аспекте потребности Республики Беларусь выдвигает в своих исследованиях белорусский ученый С.А. Калинин, доказывая, что в успешном преодолении современного глобального кризиса следует считать мир-системный анализ, мировоззренческую исследовательскую программу, субъектный подход и пространственное измерение (геоизмерение) государства и права [1, 2]. Речь идет о конструктивистском и иных мировоззренческих подходах, позволяющих по-иному системно осмыслить создаваемые государством уголовно-правовые модели охраны наиболее важных для общества ценностей.

Ранжирование ценностей в отечественном уголовном законодательстве традиционно проводилось по группам общественных отношений, подлежащих охране в приоритетном порядке. Во всех цивилизациях наказуемость распределялась в уголовно-правовых нормах в зависимости от значимости или степени важности той или иной ценности. Однако история показывает, что общество по-разному подходило к оценке одних и тех же ценностей и, как следствие, к правовой охране за их нарушение.

Следует отметить, что применение наказания к виновному в преступлении не является самоцелью, оно в большей мере обусловлено защитой и восстановлением нарушенной ценности, признаваемой в том или ином обществе. Для белорусского общества и государства, на наш взгляд, это та шкала ценностей, которая соизмеряется с христианским концептом.

Социальная природа наказания раскрывается в том, какие ценности оно охраняет и за нарушение каких ценностей оно назначается. В этой связи, полагаем, будет интересным остановиться на подходах к ранжированию наказаний по шкале ценностей, признаваемой каноническим правом в римско-католической традиции. По нашему мнению, это один из лучших примеров формирования прочной мировоззренческой базы в направлении развития уже известных современной национальной юридической науке и праву методологий.

Рассмотрим христианские ценности как первоисточник ранжирования наказаний и их воплощение в современной уголовно-правовой идее.

В христианстве человек является творением Божиим, а потому основной частью человеческого достоинства является его свободная воля, позволяющая выбирать между добром и злом. Христианское учение призывает уважать человеческое достоинство, признавая свободу воли человека даром Божиим. В христианском учении преступник не только остается нашим ближним, но и является человеком, который имеет свое достоинство: грешника люби, а грех ненавидь. Совершение чело-

веком даже самого жесткого и опасного преступления не меняет его положения и не умаляет его достоинства.

Ветхозаветное право, как и в целом право светское, признается в христианском мире Божественным правом, поскольку исходит от Бога. По своему содержанию ветхозаветные нормы в основной массе относятся к позитивным и несут регулятивный характер [3].

Конструкция многих ветхозаветных норм укладывается в особую формулу: называется ценность, приводится схема или предписывается правило определенного поведения и указывается наказание за причиненный этой ценности вред. Сочетание в содержании таких норм правила поведения и санкции за отступление от императивного предписания (чаще это проявляется в причинении общественно опасного вреда охраняемым законом ценностям) позволяет отнести их к охранительным. При этом наиболее значимыми и первостепенными заповедями в современном уголовном законе, например, являются «не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства».

Сквозным предметом христианского вероучения являются духовные ценности, в основе которых находится человек с его триединой природой: дух, душа и тело.

Душа отвечает за психическую деятельность. В отечественном (до-революционном и советском) уголовном праве долгое время использовался термин «душевная болезнь» вместо современного понятия «психическое заболевание (расстройство)», которое более точно отражает суть этого явления.

Дух – это то, что дает человеку силу («животворит») (Ин 6: 63), разумение (Иов 32: 8), свободу (2 Кор 3: 17), истину (Ин 14: 16–17), творчество (Быт 2: 7) и т. д. [3]. Дух – это то, что находится над душой и телом, входит и выходит из него. В этой связи в христианстве выделяются позитивная духовность – плоды духа: любовь, радость, мир, терпение, благость, вера, милосердие, воздержание (Гал 22: 23) – и негативная духовность – плоды плоти: прелюбодение, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и т. п. (Гал 5: 9–21) [3]. Духовность как категория личностная детерминирует поведение человека, отражается в его поступках, которые и выявляют его истинное отношение к конкретным социальным ценностям. Вместе с тем духовность предопределяет процесс развития того или иного общества и всего человечества в целом.

В некоторых случаях законодатель отступает от библейских запретов. Так, в УК Республики Беларусь отсутствует уголовная ответственность за скотоложство, мужеложство и лесбиянство (без насилия) (в отличие от опыта УК БССР 1960 г., несмотря на то что христи-

анское вероучение в целом отрицалось советской идеологией), прелюбодение, ворожбу, колдовство и т. д.

Критериями дифференциации наказаний в Библии являются субъективные признаки, отражающие отношение человека к ценностям (вина, проявившаяся в поступке, мотив согрешившего). По тексту Библии встречаются категории «злоумышление», «намерение», «коварно», «мститель за кровь» как выражения умысла. Неумышленные поступки характеризуются понятиями «не злоумышлял», «нечаянно», «без вражды», «без умысла», «согрешит по ошибке», «небрежность» и т. п. [3].

В Книге премудрости Соломона выдвигается такой критерий дифференциации наказания, как статус по субординации (иерархия подчиненности одного другому): начальник всегда несет большее бремя ответственности в сравнении с подчиненными. В этом случае соблюдается требование: «строг суд над начальствующими, ибо меньший заслуживает помилования, а сильные сильно будут истязаны» (Прем 6: 6) [3]. Этот императив отчетливо отражается белорусским законодателем в установлении строгих санкций за должностные преступления. В УК Республики Беларусь такие санкции сконцентрированы в гл. 35, а также включены в составы преступлений со специальным субъектом (должностное лицо) и установлены в многочисленных составах преступлений с квалифицирующими признаками со статусом должностного лица и использованием служебных полномочий.

Исторически сложилось, что понимание сущности наказания в теории и критерии его ранжирования в законе зависят от того или иного уголовно-правового направления (школы уголовного права).

Классическая школа базировалась на концепте справедливого нравственного воздаяния за содеянное, где основанием наказуемости выступает вина лица (степень выражения его «вклада» в преступное поведение). Природа наказания представителями классического уголовно-правового направления раскрывалась в теории порицания преступления или юридического возмездия с требованиями его полезности. Возмездие путем применения наказания трактовалось в аспекте восстановления нарушенного права или установленного государством правопорядка.

Социологическая школа в основе изучения природы наказания анализировала главным образом самого «деятеля». Основание и пределы наказуемости определялись свободой воли лица, обусловленной его нравственной средой (совокупностью нравственных свойств личности). Иными словами, если внешние обстоятельства влияли так, что у лица был выбор, то оно действовало виновно и поэтому должно подвергнуться наказанию сообразно проявлению своей воли в общественно опасном деянии. Если у лица под воздействием внешних обстоятельств

не было возможности выбора избежать преступного поведения, то оно признавалось невиновным, а его наказуемость исключалась. Теория «опасного состояния» лица как базовая в рамках указанного уголовно-правового направления развивала дополнительную функцию или вспомогательную природу наказания к «мерам социальной защиты». Основная социальная миссия наказания сводилась к борьбе с «опасным состоянием» личности.

Несостоятельность идеи возмездия доказывалась представителями просветительно-гуманистического направления в уголовном праве. О том, что эффективность наказания заключается не в жестокости, а в его неотвратимости, доказывал Чезаре Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» еще в 1764 г. [4]. Исследуя природу наказания, Ч. Беккариа писал: «...право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное благо от узурпации его частными лицами. И чем больше обеспечивается священное и нерушимое право на безопасность, тем надежнее гарантия свободы граждан со стороны государства, тем наказание справедливее. И если мы обратимся к природе человека, то обнаружим, что в ней заложены те же основные принципы, которые подтверждают неотъемлемость права верховной власти наказывать за преступления» [4, с. 69–70]. Вместе с тем автор подчеркивал, что «всякое проявление власти человека над человеком, которое не вызвано крайней необходимостью, – тирания» [4, с. 69–70].

Во многих цивилизациях распространен стереотип, что чем суровее предусмотрено законом наказание за преступление, тем больше оно повлияет на предупреждение совершения преступлений в будущем. Отечественный и зарубежный законодательный опыт ужесточения наказаний свидетельствует, что степень суровости наказания непосредственно не влияет на общую картину предупреждения преступлений. Сами же критерии достижимости превентивных целей каждым из предусмотренных в законе видов наказания весьма условны и имеют существенные различия.

Природа наказания никогда не рассматривалась в отрыве от его целей и оценки нарушенных лицом благ в разрезе определенной шкалы принимаемых тем или иным обществом ценностей. Отношение человека к охраняемым государством ценностям или благам проявляется в масштабе свободы его выбора. Так или иначе, основанием наказуемости всегда выступала вина лица в содеянном как выражение своей персональной «свободы воли».

Комплексному изучению принципа личной виновной ответственности в уголовном законодательстве посвящено новое научное направление, которое разработано в докторской диссертации и научных публи-

кациях белорусского ученого И.О. Грунтова [5–7]. В частности, он предложил считать в качестве основания для назначения наказания вину лица, совершившего преступление, а при индивидуализации наказания в первую очередь учитывать степень его вины [5, с. 320–321].

В основе наказуемости и, соответственно, формирования составов преступлений, а также правовых норм Общей части уголовного законодательства заложена шкала наиболее значимых для общества ценностей, которые поэтому и охраняются особо государством. В уголовном праве в этом случае традиционно говорят об объектах уголовно-правовой охраны.

Вопросам учета объектов уголовно-правовой охраны по их содержанию или социальной ценности при конструировании составов посягательств, общих уголовно-правовых норм посвящена монография профессора И.О. Грунтова [8]. Автор разрабатывает методологические основы для сбалансированного учета прав и обязанностей субъектов общественных отношений по их содержанию и социальной ценности в конструкциях правовых норм, опираясь на опыт национального законодательства и примеры сложившейся в Республике Беларусь судебной практики [8, с. 5–39, 150–197].

В современной белорусской юриспруденции разрабатывается новая гуманистическая методология на основе философского понимания концепта человека (человеческого существа) и связанных с ним ценностей. Автором этого направления является профессор В.П. Шиенок, который в своих исследованиях с внутренней убежденностью доказывает, что «именно человек (общество) является главным элементом в системе государства и права, вызывает к жизни данные явления и обеспечивает их существование. ...Человек, его права, свободы, гарантии их реализации провозглашаются высшей ценностью общества и государства... Это высшая ценность, т. е. главный критерий оценки любых ситуаций, требующих принятия решений в деятельности государственных органов, негосударственных организаций и в жизни людей» [9, с. 164; 10, с. 33–34].

Таким образом, основы наказуемости прямо связаны с ценностной шкалой охраняемых объектов. Христианские, как и любые другие, ценности преломляются в самом человеке. Человек в своей сущности является своеобразным информационно-аналитическим центром по оценке существующих ценностей и сам определяет шкалу их приоритета в конкретном временном и пространственном измерении. Именно человек устанавливает критерии справедливого наказания (в каждой цивилизации, в каждом обществе и государстве).

В современном национальном уголовном законодательстве установлена охрана целого ряда базовых социальных составляющих ценно-

стей, однако выявлено, что оно пребывает в христианско-нейтральном пространстве, а это показывает его недостаточную эффективность.

Категория духовности имеет большое криминологическое значение. Духовность в механизме человеческого поведения формирует его направленность (мотивацию) как в позитивном, так и негативном аспекте. В последнем случае она продуцирует совершение конкретных общественно опасных деяний.

Исходя из вышеизложенного, приоритетное значение аксиологической и антропологической методологии для ранжирования уголовной наказуемости преступных посягательств объясним следующими обстоятельствами.

Во-первых, христианские, как и любые другие, ценности преломляются в самом человеке. Человек сам оценивает существующие ценности и определяет шкалу их приоритета в конкретном временном и пространственном измерении.

Во-вторых, государство, решая задачи борьбы с преступностью на различных этапах своего развития, дифференцированно подходит к формированию системы уголовных наказаний на основе аксиологических критериев оценки принятой в обществе шкалы ценностей, оставляя в ней только те виды наказаний, которые прошли апробацию временем и представляются наиболее эффективными в достижении целей исправления преступника, специального и общего предупреждения.

В-третьих, эволюция отечественного уголовного права свидетельствует о коренном преобразовании сущности цели наказания, а именно: из мести за преступления карательная цель государства переходит в плоскость исправления лица, преступившего закон [11, с. 13–25, 109–162]. Иначе говоря, в основу принятой системы наказаний в современном уголовном праве заложена не месть, а превентивный механизм в совокупности с ресоциализацией осужденного, возвратом его к законопослушной жизни в обществе.

В-четвертых, в качестве базовых целей наказания утвердились исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений. Внутреннее содержание применяемой меры наказания неизменно выражается в причинении страданий лицу за совершенное им преступление.

1. Калинин С.А. Об исходных принципах преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции // Право.by. 2017. № 5. С. 17–23.

2. Калинин С.А. Об основных направлениях преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: парадигмально-субъектное измерение // Право.by. 2018. № 1. С. 5–11.

3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : по благословию Святейшего Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. М. : Рос. библ. о-во, 2005. 1375 с.

4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Стелс, 1995. 304 с.

5. Грунтов И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве : монография. Минск : Тесей, 2012. 366 с.

6. Грунтов И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2014.

7. Грунтов И.О. Еще раз к вопросу о понимании сущности и содержания вины в уголовном праве Республики Беларусь // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 3. С. 59–66.

8. Грунтов И.О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства : монография. Минск : БГУ, 2017. 199 с.

9. Шиенок В.П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2012. № 1. С. 163–168.

10. Шиенок В.П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. 238 с.

11. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / С.В. Ананич [и др.] ; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. 2-е изд., доп. и испр. Минск : Изд. центр БГУ, 2019. 860 с.